

А. И. Раздорский

Курск «киевский» и Курск «московский»: проблема континуитета

Вопрос о времени и обстоятельствах возникновения древнерусского Курска является дискуссионным. Наиболее аргументированной и убедительной, на наш взгляд, является гипотеза археолога В. В. Енукова, основанная на синтезе данных археологии и нумизматики. По мнению ученого, Курск возник в середине 980-х годов в ходе государственного освоения киевской княжеской властью Посемья — территории, прилегающей к р. Сейм (в древности — Семь) и ее притокам. При этом весьма вероятно, что город был поставлен на месте уже существовавшего (скорее всего под тем же названием) укрепленного поселения славян-северян («семичей»). Первое упоминание «киевского» Курска в письменности содержится в «Житии Феодосия Печерского», однако оно не датировано. Большинство исследователей условно относит его к 1036 г. (по крайней мере, ко времени не ранее этой даты). В «Поучении Владимира Мономаха» Курск упомянут в связи с событиями, имевшими место в 1068 г. Первое же датированное летописное известие о городе содержится в «Повести временных лет» под 1095 г.¹

В XII — первой четверти XIII в. Курск неоднократно упоминается в летописях в связи с различными событиями, происходившими на юге Руси. В 1220-е годы Курское княжество переживало период своего расцвета, а курский князь Олег, отличившийся в битве на Калке в 1223 г., играл важную роль в военно-политической жизни южной Руси².

¹ Подробнее см.: *Енуков В. В., Раздорский А. И.* О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // *Российская история*. 2015. № 2. С. 39–59.

² Подробнее см.: *Раздорский А. И.* Владельческая принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // *ОФР. М.*, 1998. Вып. 2. С. 3–21.

Судьба Курска во время походов монголов на Русь в 1237–1238, 1239 и 1240 гг. неизвестна. Летописи об этом молчат. Можно, тем не менее, предположить, что он не избежал участи большинства древнерусских городов и подвергся разгрому со стороны завоевателей. Скорее всего, это произошло в 1239 г. в ходе похода Мунге (Менгу-хана) на Северскую землю, когда были взяты и разорены Чернигов, Путивль и другие города в бассейне Десны и Сейма. Однако окончательно уничтожен Курск тогда, видимо, не был. Данные археологических раскопок дают основания предполагать, что он продолжал существовать и во второй половине XIII в.³ Город упоминается в Симеоновской и Троицкой летописях, сообщающих о разорении Курской округи монголами, возвращавшимися из похода на Литву в 1275 г.⁴, а также в пространном рассказе Воскресенской и Никоновской летописей о выступлении рыльского и воргольского князя Олега и липовичского князя Святослава против ордынского баскака Ахмата в 1290–1291 гг.⁵ Примечательно, что к тому времени Курск уже утратил статус столицы княжества (которое, тем не менее, продолжало именоваться «Курским»), а курская княжеская династия пресеклась, причем, по-видимому, насильственным образом (в Любечском синодике упомянут курский князь (княжич?) Василий Дмитриевич, убитый татарами⁶).

С конца XIII в. Курск исчезает со страниц русских летописей. Как сложилась его дальнейшая судьба? Продолжил ли он свое существование как город, обратился ли в сельское поселение или вовсе исчез с лица земли и был возрожден на прежнем месте лишь несколько веков спустя? На этот счет среди историков и краеведов существуют разные мнения. В 2015 г. нам уже доводилось высказываться относительно континуитета (продолжительности) «киевского» Курска, существовавшего в X–XIII вв., и одноименного города,

³ Енуков В. В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология : традиции и перспективы : к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 82–91.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 74; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 332–333.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 176–178; М., 1965. Т. 10. С. 162–165.

⁶ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 27, 99–101, 112.

возникшего на его месте в московское время⁷. Однако публикация в конце 2021 г. обширной статьи курского исследователя А. В. Зорина, посвященной той же проблеме⁸, заставляет вновь вернуться к ее рассмотрению.

Долгое время считалось, что «киевский» Курск был razорен монголами, покинут жителями и еще в XIII в. пришел в полное запустение, продолжавшееся вплоть до конца XVI в., когда на курском городище была построена новая крепость. Такие представления базировались прежде всего на рукописной «Повести о граде Курске и о явлении иконы Знамения Божией Матери», составленной неизвестным автором, жившим в Курске в середине XVII в.⁹ В «Повести» (которая в полном объеме до сих пор не опубликована) сообщается, что после монгольского нашествия «сему граду Курску, пленению до основания razорену сущу бывшу, и оттоле многия годы пребывая пустея, и от многих лет запустения положения того града Курска и уезд велиим древесем поростоша и многим зверям обиталища быша»¹⁰. Возрождение города автор «Повести» относил к 1596/97 г., когда царь Федор Иванович «на курском прежнем городище повелел град устроити, и нареши его по прежде именованному Куреск, и из окрестных тамо градов изо Мценска, с Орла и из ыных градов многими обитатели наполнити повеле»¹¹. Следует отметить, что в «Повести» при описании реалий XIII–XIV вв. присутствует ряд исторических неточностей и анахронизмов, однако события, происходившие при жизни ее автора или сравнительно недалеко отстоявшие по времени (в том числе осады Курска поляками и черкасами в 1612 и 1634 гг.), описаны довольно точно

⁷ Раздорский А. И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 года. Курган, 2015. С. 190–201. — В этой статье приведен краткий обзор различных точек зрения, существующих в литературе по данной проблеме.

⁸ Зорин А. В. Средневековый Курск в письменных источниках XI–XVI вв. // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2021. Вып. 6. С. 114–134.

⁹ См.: Раздорский А. И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII века // ОФР. М., 2003. Вып. 7. С. 141–154.

¹⁰ ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.10. Л. 5 об.–6.

¹¹ Там же. Л. 27 об.

и подробно¹², хотя им и придан (в соответствии с жанром произведения) четко выраженный религиозный контекст. К середине XVII столетия в Курске, если и не осталось уже непосредственных свидетелей и участников его постройки на исходе XVI в., то, по крайней мере, были живы их потомки в первом поколении, которые могли рассказать о происходивших тогда событиях со слов своих родителей («Повесть», как указывает сам ее автор, писалась им как по различным письменным источникам, так и по устным воспоминаниям старожилов).

О строительстве новой курской крепости на городище, то есть на месте ранее существовавшего города, идет речь в источнике, достоверность которого бесспорна — в разрядной книге 1475–1598 гг. В документе указано, что 16 июня 1596 г. «в Поле» во главе отряда служилых людей были посланы стрелецкие головы Иван Лодыженский и Третьяк Якушкин и подьячий Никифор Спиридонов. Цель экспедиции состояла в поиске мест для построения новых городов-крепостей на южной окраине Русского государства¹³. После возвращения разведчиков в Москву было принято решение об основании Белгорода, Оскола (нынешнего Старого Оскола) и Курска: «И государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал поставить на Поле новых три городы: на Донце на Северском на Белогородье город, да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третьей город»¹⁴.

Руководить сооружением курской крепости был послан воевода Иван Полев¹⁵. Его помощниками были определены голова Нелюб Огарев и подьячий Яков Окатьев. Строительство трех новых городов-крепостей, начатое летом 1596 г., к осени того же года было завершено: «И по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу те воеводы и головы поставили на поле три

¹² *Раздорский А. И.* Осада Курска польско-литовскими войсками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. (сопоставительный анализ известий «Повести о граде Курске» XVII в. и отписки курского воеводы П. Г. Ромодановского 1634 г.) // *Клио*. 2003. № 4 (23). С. 78–80.

¹³ *Разрядная книга 1475–1598 гг.* / подгот. текста, введ. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 500.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. о нем: *Раздорский А. И., Павлов А. П.* Воевода Иван Полев — основатель современного Курска // *События и люди в документах курских архивов* : сборник статей. Курск, 2020. Вып. 19. С. 6–12.

города: на Донце на Северском Белгород, да на Осколе Оскольской город, да на Семи город Курск тое же осени¹⁶. После возведения крепости Иван Полев был оставлен в Курске на воеводстве. Вскоре был образован Курский уезд, и Курск стал политическим и военным центром вновь созданной административно-территориальной единицы Московского государства.

Таким образом, и официальный документ (разрядная книга 1475–1598 гг.), и нарративный источник местного происхождения («Повесть о граде Курске»), согласно друг с другом сообщают о том, что ныне существующий Курск основан в 1596 г. на месте ранее существовавшего города. Однако имеется ряд русских, литовских и крымско-татарских источников, в которых Курск упоминается и за более раннее время. А. В. Зорин полагает, что эти упоминания свидетельствуют о том, что Курск продолжал существовать в XIV–XVI вв., причем именно как город. Но так ли это на самом деле?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих упоминаний, необходимо напомнить, что происходило на территории Курской округи в указанный хронологический промежуток. В начале 1360-х годов курские земли, входившие после нашествия Батюга в сферу ордынского влияния, были захвачены Великим княжеством Литовским. После русско-литовской войны 1500–1503 гг. они были присоединены к Московскому государству и окончательно закреплены за ним по условиям «Вечного мира» 1508 г. Но по сути эта территория, лежавшая на стыке московских, литовских и крымско-татарских владений, являлась в XIV–XVI вв. своего рода буферной зоной, «ничейной землей», которую реально не контролировало ни одно из претендовавших на него государств.

За XIV в. упоминания о Курске в письменных источниках не зафиксированы. Среди документов XV в. он обнаруживается в списке городов, принадлежавших великому князю литовскому Свидригайло, составленном в сентябре 1432 г.¹⁷ («Kuresk cum multis districtibus») ¹⁸, а также в «Списке русских городов дальних и ближних», датированном

¹⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 501.

¹⁷ *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла»: датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 115.

¹⁸ Там же. С. 120.

по последним данным 1448–1449 гг.¹⁹, где Курск значится дважды: среди «киевских» городов (как «Куреск на Тускоре») и среди городов «залесских» (просто как «Куреск») ²⁰ (убедительного объяснения этому дуализму в исторической литературе до сих пор не дано). По мнению А. В. Зорина, «составители этих документов были заинтересованы в том, чтобы их перечни отразили именно реальное положение дел, а не некую абстрактную картину, составленную по воспоминаниям о далеком прошлом» ²¹.

Однако в обоих списках наряду с реально существовавшими в 1430–1440-е годы городами встречаются и такие, которые к тому времени были либо полностью разрушены, как, например, Елец ²² или Хотмыжск ²³, либо деградировали в сельские поселения, как, например, Старая Рязань ²⁴ или киевский Белгород (на правом берегу Днепра) ²⁵. Такие пункты указаны в названных документах, по видимому, только как топографические ориентиры. В каком качестве в них значится Курск — неясно. Поэтому нельзя утверждать, что упоминания о нем в данных списках безусловным образом доказывают факт его существования в указанный период.

В нескольких ярлыках и договорных грамотах крымских ханов, относящихся к первой половине XVI в. ²⁶ (а по некоторым данным

¹⁹ Кучкин В. А. Датировка списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» // Там же. 2015. № 3 (61). С. 70–72.

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 475, 477.

²¹ Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 117.

²² Лятин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI — XVII веков. Тула, 2011. С. 11.

²³ В ходе исследований Хотмыжского городища, проведенных А. Г. Дьяченко, были выявлены артефакты, относящиеся только к домонгольскому периоду и московскому времени (подробнее см.: Дьяченко А. Г. Древний Хотмыжск. Белгород, 1996).

²⁴ Поселение на месте Старой Рязани функционировало вплоть до второй половины XIV в. (Стрикалов И. Ю. Рязань Старая // Большая Российская энциклопедия. М., 2015. Т. 29. С. 163. См. также: Чернецов А. В., Стрикалов И. Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 30).

²⁵ Мезенцева Г. Г. Белгород // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 314–319.

²⁶ Ярлык хана Менгли-Гирея королю Сигизмунду I (1507 г.); договоры (докончания) между указанными правителями (1513, 1514 гг.); ярлык хана Мехмед-Гирея Сигизмунду I (1517 г.); ярлыки ханов Мехмед-Гирея (1532 г.) и Саип-Гирея (1535 г.); предварительный текст мирного соглашения, обсуждавшийся в Кракове с крымским посольством (1540 г.) (см.: *Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate*

и ко второй половине XV в.²⁷), фигурирует «Курская тьма», а также «Курск с тьмою» («тьмами» или «туменами» назывались военно-административные единицы, существовавшие на подчиненных монголами землях). А. В. Зорин убежден в абсолютной достоверности указанных источников, которые, по его мнению, вовсе не являлись некими абстрактными списками городов. «Эти списки, — пишет исследователь, — составлялись не для учебника исторической географии, а по совершенно конкретным поводам, связанным именно с “реально происходившими событиями”. Ярлык являлся документом, на основании которого его держатель получал право претендовать на поименованные в нем земли и населенные пункты. Вряд ли имело смысл претендовать на несуществующие города, и вряд ли стоит представлять себе крымских ханов в виде шутников, которые с легкостью выписывали подобные грамоты»²⁸.

Однако и в ханских ярлыках, как и в названных выше русских и литовских списках городов, мы находим населенные пункты, которые во второй половине XV — первой половине XVI в. уже заведомо не существовали. Это, например, все тот же Хотмыжск, а также Мужеч, довольно уверенно локализуемый в настоящее время на месте городища «Царский Дворец», входящего в Гочевский археологический комплекс²⁹.

and Poland-Lithuania : international diplomacy on the European periphery (15th–18th century) : a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden ; Boston, 2011. P. 557, 594–596, 606, 634, 682, 703, 723. (The Ottoman Empire and its Heritage : politics, society and economy ; vol. 47) ; Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 122–123).

²⁷ А. В. Зорин, вслед за польским историком Д. Колодзейчиком, полагает, что Курск в искаженной форме («Rylsko») фигурирует также в ярлыке хана Хаджи-Гирея королю Казимиру (1461 г.), а Курская тьма («Hrirusko Tumien») — в ярлыке Менгли-Гирея тому же королю (1472 г.) (см.: *Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*. P. 530, 540 ; Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 117, 122).

²⁸ Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 128.

²⁹ Бабин И. П., Озеров М. М. На шаг ближе к разгадке тайны Гочевского городища (о чем рассказали архивные находки) // События и люди в документах курских архивов : сборник статей. Курск, 2021. Вып. 20. С. 6–14. — Укрепленное поселение, существовавшее на месте городища «Царский Дворец», погребло, предположительно, во второй четверти XV в. (Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV — начала XV вв. (по материалам памятников Курской области) // Верхнее Подонье : археология, история. Тула, 2009. Вып. 4. С. 107).

Нельзя также забывать, что ко времени составления наиболее ранних ханских ярлыков курские земли на протяжении как минимум ста лет пребывали (по крайней мере формально) под властью Великого княжества Литовского. После 1503 г. эта территория, как уже было сказано выше, перешла под контроль Москвы. Никаких ордынских военно-административных образований во второй половине XV — первой половине XVI в. здесь уже давным-давно не существовало. Ханские ярлыки носят, на наш взгляд, преимущественно декларативный характер и едва ли адекватно отражают реальную ситуацию, сложившуюся в данном регионе в этот период. Скорее в них зафиксировано положение, имевшее место еще тогда, когда эти территории находились под властью Орды. Упоминания «Курской тьмы», таким образом, также нельзя считать бесспорным свидетельством существования Курска во второй половине XV — первой половине XVI в.

Стоит также напомнить, что центром «Курской тьмы» в XIV в. был вовсе не Курск, а крупный ордынский город, сформировавшийся на месте славяно-русского укрепленного поселения предыдущего времени. Он располагался на месте Ратского городища, находящегося в 18 км к востоку от Курска на р. Рать (правый приток Сейма)³⁰. Его название неизвестно. Предполагают, что он назывался Ратун или Ратно. Город с таким названием упоминается в ханских ярлыках первой половине XVI в. В первой половине XIV в. город на Рати переживал пору своего расцвета. Это был многолюдный и богатый населенный пункт, крупный торговый центр. Об этом свидетельствуют результаты раскопок Ратского городища, в ходе которых обнаружены многочисленные артефакты, относящиеся именно к ордынской эпохе³¹. Интересно, что подобные находки

³⁰ Это признает и сам А. В. Зорин (см.: Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. / *А. В. Зорин, Г. Ю. Стародубцев, А. Г. Шпилев, О. А. Щеглова*. Курск, 2008. С. 351).

³¹ Подробнее см.: *Енуков В. В.*: 1) Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды // Средневековая археология : материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань, 2018. С. 47–52. (Археология евразийских степей ; № 4) ; 2) Ратский археологический комплекс: сооружения ордынского времени // Азак и мир вокруг него : материалы Международной научной конференции, Азов, 14–18 октября 2019 г. Азов, 2019. С. 78–82. (Донские древности ; вып. 12) ; *Горбунов Д. Н., Енуков В. В.* Состав и динамика

в самом Курске за единичным исключением, речь о котором пойдет ниже, отсутствуют полностью. Во второй половине XIV в. центр «Курской тьмы» (вероятно, в 1360-е годы) прекратил свое существование (и это означает, что его упоминания в ханских ярлыках, если в них действительно идет речь о данном городе, всего лишь фантом). Связано это было, надо полагать, с присоединением Посемья к Великому княжеству Литовскому и последовавшим затем разгромом ранее существовавших здесь ордынских административных структур. О судьбе самого Курска в ходе произошедших событий ничего неизвестно. По всей видимости, если он и дожил до прихода «литвы» (хотя бы в качестве сельского поселения), то почти наверняка разделил участь своего ближайшего соседа.

Примечательно, что в «Описании Курского наместничества», составленном в 1785 г. курским губернским землемером Иваном Башиловым, автор задается вопросом: «Но на том ли месте был древний тот город Курск, на котором ныне? Есть некоторая неизвестность, потому что многие утверждают, что был сей город на реке Рати, от нынешняго города верстах в пятнадцати, где и ныне видно древнее городское укрепление и называется городище, в котором <...> в 1650 году найдены в земле вросшие каменные палаты»³². Возражая этому суждению Башилов писал: «А по настоящему ево имени утвердительнее верить можно, что он и тогда был на сем месте, на котором ныне существует, потому что имя ево Курск соответствует имени реки Кура, в середине города протекающей»³³.

Едва ли это старинное предание, дожившее до конца XVIII столетия (!) и остававшееся к этому времени все еще весьма распространенным, возникло просто так на пустом месте. Но с чем же оно тогда связано? Рискнем выдвинуть следующее объяснение. Не исключено, что после того, как в первой половине XIV в. административным центром Курской округи («Курской тьмы») вместо пришедшего в упадок Курска стал город на Рати, именно он стал восприниматься в качестве нового «Курска», то есть средоточия местной власти. Отголоском этой «рокировки» и являлось, вероятно, предание, приведенное Башиловым. Кстати, сам факт существования

развития Ратского комплекса IX–XIV вв. // Археологическое наследие. 2021. № 1 (4). С. 247–294.

³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18801. Л. 20 об.

³³ Там же.

предания о нахождении древнего Курска на другом месте свидетельствует в пользу того, что в истории города имел место более или менее продолжительный перерыв, иначе такое предание в принципе не могло бы возникнуть.

Итак, какая-либо событийная история Курска в XV — первой половине XVI в. в отличие от XI–XIII вв. по источникам не прослеживается. Все известные за данный период упоминания Курска зафиксированы исключительно в списках городов разного времени и разного происхождения, в которых, как установлено, перечислены как реально существовавшие на тот момент, так и исчезнувшие или пришедшие в упадок населенные пункты. Несмотря на то, что «Список русских городов дальних и ближних», список городов Свидригайло, а также ханские ярлыки давно введены в научный оборот, номенклатура учтенных в них городов до сих пор системным образом не проанализирована с точки зрения ее достоверности в контексте имеющихся археологических данных. Что же касается общей оценки правдоподобности такого рода списков, то здесь нельзя не напомнить об остающемся по-прежнему актуальным суждении Я. Е. Водарского, предостерегавшего исследователей от некритического восприятия информации, содержащейся в различных «перечнях городов», поскольку далеко не все указанные в них населенные пункты на самом деле относились к таковым³⁴.

Что находилось в XVI в. на месте курской крепости, основанной в 1596 г.? Быть может после присоединения курских земель к Московскому государству в 1503 г. здесь существовало какое-то поселение? Вопрос этот не случаен, поскольку Курск действительно несколько раз упоминается в различных русских источниках второй половины XVI в. Так, в разрядной книге 1475–1598 гг. имеется запись о том, что летом 1557 г. «в Курску» стоял отряд воевод кн. Михаила Репнина и кн. Петра Татева, который затем был передислоцирован в Мценск³⁵. При этом важно подчеркнуть, что кн. Репнин и кн. Татев являлись не городовыми, а полковыми воеводами,

³⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века : (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 115. — В этой связи можно указать на следующий казус: Старая Рязань числилась среди городов Российской империи в списке, датированном 1745 г. (!) (см.: Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 83).

³⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 162.

стоявшими во главе воинского соединения, выдвинутого «в Поле». Городовой курский воевода в указанной разрядной записи не упоминается.

В перечне стрелецких голов и сотников, служивших при Иване Грозном, упоминается Постник Суворов, который «был в Курске у пятисот человек». Время, продолжительность и обстоятельства его пребывания «в Курске», однако, не известны. Высказано лишь предположение, что он мог находиться здесь между 1557 и 1571 гг., то есть после прихода сюда отряда кн. Репнина и кн. Татеева и до своего назначения дьяком в Новгород в 1571 г.³⁶

А. В. Зорин считает, что оба эти сообщения также подтверждают существование Курска в середине XVI в. как населенного пункта³⁷. Нам же представляется, что они не позволяют четким образом определить, идет ли речь о постоянном поселении (хотя бы сельского типа), покинутом городище или о выдвинутой в степи временной сторожевой заставе, лишенной оседлых жителей.

По мнению Г. Н. Анпилогова, косвенные сведения о существовании Курска не только во второй половине XVI в., но и в более раннее время, содержатся в челобитной курянина Василия Розинина сына Степанова, поданной царю Михаилу Федоровичу в 1622 г.³⁸ В челобитной Розинин утверждает, что сам он до 1607 г. жил в Курске с отцом и что его отец, дед и прадед служили в курских стрельцах. Временного отрезка с 1596 по 1607 г. для службы целых четырех поколений стрельцов Розининых явно недостаточно, а значит, считал Г. Н. Анпилогов, имеются основания полагать, что старшее поколение этих стрельцов служило в Курске задолго до строительства курской крепости в 1596 г. Однако правдоподобность многих сообщений такого рода давно вызывает у историков обоснованные

³⁶ Солодкин Я. Г., Склярчук В. И. Курская крепость // Курск : краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 190–191.

³⁷ Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 130. — «Равнозначное упоминание Курска и Мценска, пишет исследователь, комментируя известие Разрядной книги 1557 г., — дает основание предположить, что в обоих случаях имеются в виду не просто некие географические ориентиры, но именно населенные пункты. В них можно прийти, из них можно выйти» (Там же. С. 123).

³⁸ Анпилогов Г. Н. О городе Курске X–XVI вв. // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1979. № 5. С. 51.

сомнения³⁹. Челобитчики нередко вольным или невольным образом допускали весьма значительные отступления от реально имевших место событий, путались в датах и преувеличивали продолжительность срока службы своей и своих предков. Кроме того, о назначении стрелецких голов в Курск в XVI в., под началом которых могли бы служить Розинины, нет никаких сведений в разрядных записях.

Широкую известность получил указ Ивана Грозного от 12 марта 1582 г., предписывавший подвергать лиц, уличенных в лжесвидетельствах и ложных исках («ябедах»), «торговой казни», состоявшейся в публичном битье кнутом, а затем ссылать их «в украинные города, в Севск и в Курск»⁴⁰. Но если допустить, что Курск существовал уже в 1582 г., то куда же тогда ссылались «ябедники», ведь здесь в это время еще не было ни крепости с гарнизоном, ни воеводской власти? Пытаясь объяснить данный казус, Я. Г. Солодкин выдвинул предположение, что упоминание в данном указе Севска и Курска (исходный текст документа не сохранился) является позднейшей припиской. Об этом, по мнению исследователя, свидетельствует, в частности, тот факт, что указанного перед Курском Севска в 1582 г. еще вообще не существовало — он был основан только в царствование Бориса Годунова⁴¹. От себя заметим, что ни Севск, ни Курск собственно к «украинным» городам, существовавшим в царствование Ивана Грозного (Орел, Болхов, Мценск и др.), не принадлежали. Первый относился к «северским», а второй — к «польским» городам. Это объясняет, на наш взгляд, смысл приписки, если она действительно была сделана: изначально преступники подлежали ссылке именно в «украинные» города, существовавшие на 1582 г., и только позднее в текст продолжавшего действовать указа были внесены сведения про вновь основанные Севск и Курск.

³⁹ См., например: *Солодкин Я. Г.* Существовал ли Курск накануне 1596 года? (к интерпретации одного «приговора» Ивана Грозного) // *Курский край в истории Отечества: материалы областной научно-практической конференции, посвященной празднованию 1150-летия зарождения российской государственности, 980-летию образования г. Курска, 400-летию разгрома польских интервентов, 200-летию Отечественной войны 1812 года.* Курск, 2012. С. 188.

⁴⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. Ч. 1 / подгот. текстов Р. Б. Мюллер. С. 60.

⁴¹ *Солодкин Я. Г.* Существовал ли Курск накануне 1596 года? С. 187–188.

При этом важно подчеркнуть, что Курск не упоминается в трех важнейших документах XVI столетия, в которых он, если бы действительно существовал в то время как город, несомненно, был бы упомянут. Достоверность информации, содержащейся в данных источниках, в отличие от фантомных ханских ярлыков не вызывает ни малейших сомнений. Это, во-первых, список населенных пунктов Северской земли, уступленных Великим княжеством Литовским Московскому государству по условиям перемирия 1503 г.⁴², во-вторых, боярский приговор о станичной и сторожевой службе (1571 г.)⁴³ и, в-третьих, духовная грамота первого русского царя Ивана Грозного (1572 г.)⁴⁴. Для сравнения Рыльск и Путивль во всех трех указанных документах учтены.

Комментируя отсутствие Курска в тексте грамоты «Благовещенского перемирия» 1503 г. А. В. Зорин пишет, что в задачу данного документа якобы не входило перечисление всех захваченных Москвой населенных пунктов: «Грамота должна была предельно четко обозначить линию разграничения владений двух государств. Именно поэтому в списке мест, куда не может “вступаться” Литва, друг за другом следуют именно пограничные владения, причем временами тут, наряду с крупными городами, перечисляется изрядное количество незначительных, казалось бы, сел и деревень <...>, имевших, вероятно, важное значение для конкретных участков границы. Поселения, оказавшиеся в глубине приобретенной территории, вполне можно было не упоминать, ибо чтобы “вступить” в округу Курска противнику прежде следовало вторгнуться в Путивльские или Рыльские волости»⁴⁵.

С этим утверждением трудно согласиться. Анализ текста грамоты и ее сопоставление с картографическим материалом показывают, что в данном документе содержится отнюдь не опись вновь установленной разграничительной линии (такие описи в принципе

⁴² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1 : (с 1487 по 1533 год). № 75. С. 363–412. (Сборник РИО ; т. 35) (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными).

⁴³ АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 2. С. 2–5.

⁴⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л. В. Черепнин. М. ; Л., 1950. № 104. С. 426–444.

⁴⁵ Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 126–127.

составлялись по иной схеме⁴⁶), а приведен именно состав приобретенных Иваном III территорий и населенных пунктов, в том числе расположенных сравнительно далеко от новой государственной границы (тот же Рыльск по итогам русско-литовской войны 1500–1503 гг. оказался в известном смысле тыловым городом).

А. В. Зорин допускает, что еще до 1596 г. на Курском городище имела крепость, а Иван Полев со своими товарищами якобы только расширили уже существовавшие фортификации⁴⁷. Исследователь указывает, что в описании курской крепости 1652 г. воеводы Д. И. Плещеева упоминается «старая городовая осыпь», по гребню которой стоял «рубленный город» с проезжими воротами, сгоревший в 1628 г.⁴⁸ «Подобная конструкция фортификаций, — пишет А. В. Зорин, — резко отличалась от общепринятой в тот период практики возведения частоколов («стоячего острога»), а потому, вполне вероятно, данные укрепления являлись обветшавшими остатками сооружений, предшествовавших строительству 1596 г.»⁴⁹ Высказанное соображение не представляется убедительным. Действительно, стены острожного типа в южнорусских крепостях являлись самыми распространенными, но и стены, рубленые городнями, не являлись чем-то уникальным. Фортификации подобной конструкции возводились в XVII в., например, в Белгороде, Валуйках, Усерде и других городах на юге страны⁵⁰. «Рубленный город» курской крепости вполне мог быть сооружен после Смуты, например, в ходе восстановления укреплений, пострадавших в ходе осады Курска в 1612 г.

⁴⁶ См., например: *Прохоров В. А.* Описи рубежей меж Вязьмой и Дорогобужем 1634 года (возвращаясь к старым публикациям...) // Вязьма. Страницы истории : материалы краеведческих конференций, 2001–2004 гг. Смоленск, 2005. С. 161–169.

⁴⁷ См.: *Зорин А. В.*: 1) Оборонительные укрепления средневекового Курска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 83–84 ; 2) Средневековый Курск ... С. 131.

⁴⁸ См.: Курский острог (крепость) XVII века / сообщ. Л. Позняков // Курский сборник. Курск, 1912. Вып. 7. С. 26–30.

⁴⁹ *Зорин А. В.* Средневековый Курск ... С. 131.

⁵⁰ *Жигалов В. М.* Классификация и типология укреплений городов Белгородской черты // Белгородская черта. Вып. 6. С. 95.

В записи разрядной книги 1475–1598 г. о строительстве курской крепости в 1596 г. о существовании каких-либо фортификаций на территории курского городища ничего не говорится. Не упоминается о них и в сообщении того же источника об экспедиции Лодыженского и его товарищей «в Поле». Представляется совершенно невероятным, чтобы московские разведчики оставили без внимания столь важное обстоятельство. Кроме того, в разрядной книге прямо идет речь именно о «поставлении» (то есть строительстве) крепости, а не о «делании» и «поновлении» (расширении и ремонте) ранее существовавших укреплений.

Большое значение имеет тот факт, что в разрядных записях, сохранившихся начиная с середины XVI в. сравнительно полно, о назначении наместников, городских воевод и голов в Курск вплоть до 1596 г. ничего не говорится. Крепость же, если бы она действительно существовала ранее этой даты, непременно должна была иметь постоянный гарнизон, возглавляемый либо воеводой, либо головой. При этом регулярные назначения воевод и наместников, например, в Рыльск и Путивль по разрядным записям второй половины XVI в. прослеживаются достаточно четко.

Главным аргументом в пользу версии о запустении «киевского» Курска в XIV–XVI вв. являются данные археологии. Если бы город в то время действительно продолжал существовать, а в отмеченных выше письменных источниках он упоминался бы как живое поселение, то это должно было в том или ином виде отразиться в археологическом материале. Однако несмотря на то, что систематические археологические исследования на территории исторического центра современного Курска ведутся с 1988 г., никаких материальных подтверждений, свидетельствующих о нахождении на его территории постоянного или временного поселения в XIV–XVI вв., до сих пор не получено. Имеющиеся артефакты, собранные уже в изрядном количестве, относятся либо к периоду не позднее конца XIII в., либо к XVII и последующим векам. Обнаружены следы укреплений как домонгольского периода⁵¹, так и московского времени, но никаких следов фортификаций, относящихся к XIV–XVI вв., не выявлено.

⁵¹ См.: Енуков В. В. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 3–16.

Данный факт в целом признает и А. В. Зорин, хотя делает при этом оговорку, что «современное состояние знаний не позволяет четко выделить материалы XIV–XV вв. не только в Курске, но и во всей Курской области», а «изучение этого периода (в данном регионе. — *А. П.*) только начинается»⁵². Подобное замечание выглядит, по крайней мере, странно. Четко датированные материалы XIV–XV вв. в значительном количестве выявлены, например, на Ратском и Гочевском археологических комплексах и кому как не А. В. Зорину — опытному профессиональному археологу, этого не знать.

Наш оппонент отмечает, что при раскопках у стен Воскресенской церкви, расположенной на территории исторического ядра Курска, был найден ордынский данг⁵³. Однако такого рода единичные находки едва ли могут служить доказательствами существования поселения в данном месте (здесь сразу вспоминается весьма сомнительное «1000-летие» Казани, главным «аргументом» в пользу которого стала найденная на территории этого города чешская монета времен князя Вацлава Святого). А. В. Зорин считает также, что косвенно о наличии в XV–XVI вв. поселения на территории Курска свидетельствуют находки в его ближайшей округе, в частности, клад джучидских монет, обнаруженный на берегу Сейма⁵⁴. Но и с этим суждением нам трудно согласиться, поскольку подобный клад мог быть связан вовсе не с Курском, а что более вероятно, с городом на Рати, где, как уже отмечалось выше, выявлен значительный массив артефактов ордынского времени⁵⁵.

В целом категорически отвергать предположение о существовании временного или постоянного поселения сельского типа на территории нынешнего Курска в XIV–XVI вв. (причем необязательно на городище, но и в других местах, особенно в расположенных ближе к воде, например, в Закурной части) не следует. Однако подтвердить его существование может только обнаружение археологических объектов (именно объектов, а не отдельных артефактов,

⁵² Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 130.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 131.

⁵⁵ Джучидские монеты обнаруживаются на территории Ратского комплекса практически ежегодно (*Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В.* Период XIV–XV вв. в новых пунктах в Курской области // Русский сборник. Брянск, 2016. Вып. 8, т. 1. С. 126).

например, фрагментов керамики и проч.), относящихся к указанному периоду. Без этого данный вопрос будет по-прежнему оставаться открытым.

Что же касается проблемы континуитета Курска «киевского» и Курска «московского», то вывод здесь, по нашему мнению, вполне очевиден — это разные города. Нынешний Курск ведет свою историю с постройки крепости на «старом Курском городище» в 1596 г. Только с этого времени он после длительного перерыва снова стал развиваться как город — полифункциональный военно-административный, экономический и церковный центр⁵⁶. Повторим сказанное нами ранее: с древнерусским Курском нынешний город связывает только топографическая и топонимическая общность. Хронологический разрыв в существовании этих двух одноименных населенных пунктов, составляющий примерно три века, слишком значителен, чтобы их история могла восприниматься как единое целое⁵⁷.

Надо признать, что по своему историческому происхождению современный Курск — новый московский город, возникший на исходе XVI столетия⁵⁸. И совершенно не случайно в многочисленных

⁵⁶ А. В. Зорин отметил, что «в дискуссии о существовании Курска в период до 1596 г. традиционно смешиваются два совершенно разных вопроса: проблема существования в тот период Курска, как типичного “украинного города” XVI–XVII вв., со всеми его атрибутами включая наличие воеводского управления и уездной служилой корпорации, и проблему существования Курска, как населенного пункта, волостного центра, города в понятиях именно XIV–XV вв.» (Зорин А. В. Средневековый Курск ... С. 131). Однако в чем именно состоят радикальные отличия между городами, например, XV и XVI вв. исследователь так и не пояснил.

⁵⁷ Это обстоятельство, как нам уже доводилось указывать в статье 2015 г., принципиально отличает Курск, например, от Орла, сожженного в 1611 г., оставленного жителями, но вновь восстановленного на прежнем месте в 1635 г. В данном случае хронологический разрыв по историческим меркам был сравнительно небольшим, к тому же Орловский уезд как административно-территориальная единица тогда так и не был упразднен (подробнее см.: Загорюцкий В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 39).

⁵⁸ Интересно, что если в домонгольских памятниках встречается исключительно катойконим «куряне», то в документах XVII–XVIII вв. и даже начала XIX в. — только «курчане». На наш взгляд, это может быть связано как раз с перерывом в существовании города. Автохтонного населения к концу XVI в. здесь не сохранилось, а первопоселенцы нового Курска, пришедшие сюда из более северных уездов, не зная исконного катойконима, стали использовать его более мо-

документах Разрядного приказа XVII в., хранящихся в РГАДА, он неизменно указывается в числе «новых польских городов» наряду с Белгородом, Воронежем, Осколом, а не среди непрерывно существовавших со времен Древней Руси городов Северщины — Рыльска и Путивля.

дернизированный вариант — «курчане». Только во второй половине XIX в. в обиход вошел архаичный вариант «куряне», ставший в итоге общеупотребительным. Причины этой рокировки не ясны, возможно, свою роль здесь сыграла постепенная популяризация среди образованных слоев тогдашнего русского общества «Слова о полку Игореве», где жители Курска удостоены подчеркнuto яркой характеристики, вложенной в уста курского князя «Буй Тура» Всеволода Святославича («А мои ти куряни свѣдоми кѣмети...»).